

СЧАСТЬЕ ИННЫ СОКОЛОВОЙ...

Татьяна Новицкая

Из всех видов человеческой деятельности самой привлекательной для меня является занятие театром. Думаю, что люди, сознательно посвятившие себя служению этому искусству, могут быть по-настоящему счастливы.

Берлин встретил пасмурным теплом и новизной незнакомого еще города, а предстоявшие два дня дарили ожиданием сплошных открытий. Однако, прежде всего я должна была увидеть театр, разместившийся на тихой улице Курфюрстенштрассе, в самом центре немецкой столицы.

Вывеска на первом этаже многоэтажного жилого дома сообщала на двух языках (русском и немецком), что именно здесь находится театр «Русская сцена» (Theater «Russische Bühne»), ради встречи с которым я и приехала. Небольшое арендованное помещение включает в себя зрительный зал мест на 50, неглубокую, но уютную сцену и пару крохотных «подсобок»: гримерку-костюмерную, кухню, туалет.

Первое, что сразу бросилось в глаза, — заботливое обустройство этого камерного пространства, продуманное до мелочей: изящные полки с книгами и разными памятными предметами, живые и засушенные цветы в напольных вазах, фотографии и афиши, дипломы и награды на стенах, подтверждающие успешное участие в различных международных фестивалях. В конце зала, не отделенный от зрительских мест, рабочий уголок со световым и звуковым пультами. Сцена возвышается над полом всего сантиметров на 30, но, тем не менее, это настоящая сцена, одетая в черный кабинет, с кулисами и вполне приличной высотой, дающей возможность оборудовать ее штанкетами с подвесными софитами, небольшой, но все же позволяющей ощутить пространство глубиной — одним словом, такой себе «маленький театр». И во всем этом великолепии

очаровательного «минимализма» присутствует атмосфера самого настоящего театра.

Два дня пребывания в Берлине я почти непрерывно общалась с создателями театра — Инной Соколовой-Гордон и ее мужем Ильей Гордоном. В придуманном ими «микром мире» роли распределились таким образом, что Инна — режиссер, творческий лидер и педагог — взяла на себя всю сложность формирования художественного образа театра, а Илья (математик-прикладник по образованию) взвалил на свои плечи не менее трудоемкий груз, состоящий из решения экономических, организационных, рекламных и многочисленных технических вопросов. В этой новой для себя роли он проявился как прекрасный менеджер и администратор, безгранично влюбленный в театр, в талант Инны и в дело, которому она себя отдала целиком и полностью.

Мне искренне хотелось понять этих людей, переехавших из Москвы в Германию, много лет живущих в эмиграции и все время истово строящих свой театр. В одном из интервью Инна как-то обмолвилась: «Мы, к сожалению, не нужны России, не нужны Германии, мы нужны сами себе». Однако в ключевых (по моему определению) словах, прозвучавших не слишком оптимистично «мы нужны сами себе», я не увидела ничего такого, что могло бы вызывать грусть и печаль. Наоборот — возможность заниматься любимым делом по своему желанию и разумению, ни от кого не зависеть в своем творчестве, самостоятельно создав пусть не идеальные, но все же достойные условия для деятельности, которая притягивает единомышленников и собирает не слишком большую, но преданную аудиторию — это ли ни подлинное счастье?!

«Нина, или О хрупкости набитых соломой чаек»

Конечно, театр — искусство публичное и достаточно амбициозное и, конечно, важной составной его частью и желаемым результатом являются известность и признание. И еще в его основу, как во все иные искусства, заложен обязательный механизм самовыражения. Но театр — дело коллективное и поэтому особенно хлопотное. Режиссеру труднее самовыражаться, чем любому другому творцу, поскольку делает он это через актера — живого человека, превращающегося в этом процессе в его «рабочий инструмент». Впрочем, все это известно, и упомянула я об этом лишь для того, чтобы заметить, что

«Самое сложное — умение совместить мышление и практику поиска со способностью выразить все это через подготовленного в твоей стилистике актера».

не всегда грамотный и талантливый режиссер может в полной мере осуществить свой замысел, ибо не всегда имеет реальную возможность собрать «оркестр» из необходимых ему «инструментов».

Уже давно в современном театре доминирует так называемая «концептуальная режиссура», при которой актеры довольно часто задействованы в замысле создателя спектакля совершенно функционально. Иногда сознательная нивелировка актерских индивидуальностей связана с тем, что отдельные режиссеры, рьяно увлекшиеся поисками «новых форм» или «нового сценического языка», сознательно отказываются от мощных и ярких актеров, видя в них опасность

разрушения причудливо-изобретательной конструкции своего спектакля. Самое сложное — умение совместить мышление и практику поиска со способностью выразить все это через подготовленного в твоей стилистике актера.

Одним словом, мотивы у всех разные и именно они диктуют принципы и направления этих поисков.

Мы беседуем с Инной о театре — это элегантная умная женщина с красивым волевым лицом и живыми глазами, загорающимися всякий раз, когда речь заходит о Чехове или современных пьесах. Чехов ее любимый драматург, поэтому время от времени она обращается именно к его

«Нина, или О хрупкости набитых соломой чаек»

произведениям. В репертуаре театра «Дама с собачкой», «Чайка». Я видела их в записи, но не приучена судить о живом спектакле по видео, поэтому и приехала увидеть, понять и почувствовать, особенно контекст, в котором существует сегодня театр «Русская сцена». Какое место он занимает в культурной жизни трехмиллионного Берлина с трехсоттысячным населением русскоговорящих эмигрантов? Нужен ли им «свой» или «не свой» театр? Нужен ли им вообще какой бы то ни было театр?

Свои спектакли театр «Русская сцена» играет, в основном, в выходные дни. Здесь точно есть свой зритель, его немного, но он есть. Почти все знакомы между собой, поскольку часть зрителей — родители детей, посещаю-

вложил идею «продолжения» чеховской «Чайки». Режиссер постоянно и упорно занимается поиском сильных современных пьес, но пока никто, кроме Вишнека, ее особенно не увлекает. Матей Вишнек — поэт и драматург румынского происхождения, живущий последние четверть века в Париже, настолько интересен режиссеру, что «Нина...» — уже вторая его пьеса, идущая на сцене театра. В афише значится также спектакль «Саксофонист», в основе которого достаточно известная пьеса драматурга «Замечательное путешествие медведей панда, рассказанное саксофонистом, у которого была подружка во Франкфурте».

Инна Соколова выстраивает репертуар театра, опираясь на свой профессиональный опыт, эстетические и

«Инна Соколова выстраивает репертуар театра, опираясь на свой профессиональный опыт, эстетические и этические пристрастия, реальных людей, находящихся в ее окружении, конкретные условия камерной площадки».

щих учебно-творческую мастерскую и детскую студию «Дебют». Преподает Инна, очевидно, не оставляя надежды, что кто-нибудь из выпускников школы когда-то пополнит немногочисленную взрослую труппу ее театра. Хотя труппы постоянной, естественно, нет, есть «костяк» актеров, активно задействованных в репертуаре, и есть те несколько человек, кто помогает осуществлять функционирование театра.

Я дважды посмотрела премьерный спектакль «Нина, или О хрупкости набитых соломой чаек». Он поставлен Инной Соколовой по пьесе Матея Вишнека, в которую драматург

этические пристрастия, реальных людей, находящихся в ее окружении, конкретные условия камерной площадки. Это естественно и нормально, поэтому при всех сложностях, связанных с экономическим выживанием театра, не имеющего стабильной поддержки инвесторов и муниципальных властей, она вполне может быть счастлива в своей творческой свободе. В одной из наших бесед на вопрос, смогла бы она жить в эмиграции, не занимаясь театром, Инна однозначно ответила: «Никогда!»

Да, она строит свой театр в условиях, предложенных ей реалиями жизни чужой страны, где всегда существовал

собственный язык и веками сложившиеся культурные традиции, где своего зрителя нужно постоянно завоевывать, а это великий труд, ведь совсем не факт, что многочисленное русскоязычное население эмигрантов, активно пытающееся адаптироваться в немецкой языковой и бытовой среде, станет постоянным зрителем театра «Русская сцена». Но в этом тоже нет ничего необычного и странного, поскольку сегодня уже мало кто утверждает, что Театр — искусство «массовое». Театр всегда был, есть и будет искусством «элитарным» и избирательным.

Однако, вернемся к главному — спектаклю «Нина, или О хрупкости набитых соломой чаек». Матей Вишнек, опираясь в своих литературных фантазиях на чеховскую «Чайку», придумал, что Костя Треплев вовсе не застрелился — просто вторая его попытка покончить с собой оказалась столь же неудачной, как и первая. Прошло много лет, он живет отшельником в полуразрушенном име-

гибших, и много пролитой крови. Понятно, что Нина и Тригорин бегут от революции в глушь, но готовы тут же, несмотря на опасность, возвратиться в Москву, как только между ними вспыхивает прежняя страсть и они понимают, что любовь еще не умерла окончательно и нужно ее спасать. Одним словом, «наворочено» в пьесе много и со всем этим «разнотравьем» должен разбираться грамотный режиссер.

Инна Соколова, как правило, придумывает свою авторскую сценическую версию, где драматургический материал используется как повод для его оригинального осмысления. При этом смею утверждать, что она бережно относится к классическому наследию, являющемуся основой репертуара театра. Инна — жесткий в своем видении и сценическом прочтении пьес режиссер и знает, как это делается на практике. Думаю, что совмещение функций сценографа, звукорежиссера, художни-

«Режиссерские работы Инны Соколовой очаровывают своей необычной атмосферой, рождая в зрителе массу всевозможных ассоциаций и, тем самым, вовлекая его в творческий процесс».

нии своей уже умершей матушки, по-прежнему безумно любит Заречную и по-прежнему трагически одинок. И вот однажды, непонятно каким образом, в один из дней жесточайшей, холодной зимы, со станции, на которую не доезжают поезда, к нему является Нина. В спектакле она предстает перед зрителем в изысканно-красивом белом платье, воздушном, как снежный вихрь, умело стилизованном пальто в духе «модерн», напоминающем верхнюю дамскую одежду начала века, легких изящных туфельках и светлых чулках, с аккуратно уложенными волосами и ярким макияжем. И сразу возникает множество вопросов: как? Откуда? Как смогла хрупкая женщина добраться через сугробы и заносы по бездорожью в это «богом забытое место»? А может, это и не Нина вовсе, а ее «вечный образ» в помутненном сознании Кости?

Так же странно и неожиданно появляется Тригорин — третий персонаж этой «недосказанной» истории, тем самым «закольцовывая» классический любовный треугольник.

Треплева в спектакле играет Андрэ Мошой — актер тонкий, трепетный и невероятно пластичный. Его природная седина, такая понятная и уместная в этом спектакле (но, конечно же, контрастирующая с нашими воспоминаниями о юном Косте из первого акта чеховской «Чайки») в сочетании с обаятельным акцентом актера, успешного до прихода в театр «Русская сцена» поработать на молдавской, румынской и итальянской сценах, подкрепляют удивительный эффект ирреальности всего происходящего.

Со времени, когда мы расстались с героями чеховской «Чайки» и до событий, описанных в пьесе Вишнека, прошло более двадцати лет. В России война, революционный переворот — и Ленин, и стреляют, и много по-

ка по свету и костюмам связано не столько с вопросом экономии, сколько с четким пониманием того, про что она делает каждую новую работу, с авторским взглядом на каждый спектакль, как на единичное собственное детище. Волонтаризм? — возможно. Но это ее театр — театр Инны Соколовой!

Поэтому в спектакле «Нина...» появляются сразу три чучела убитых чаек, — все они грани одного «любовного треугольника», вечного, бесконечного и неразрешимого. И это главное, на фоне всех смертей, революций и разбивающегося вдребезги мира, потому что нет ничего сильнее личной трагедии, а здесь их целых три. И они — все трое — ранены любовью. И у них троих сломаны крылья. И так было всегда.

Очень ценю недосказанность в спектакле, особенно, если эта недосказанность талантливо смоделирована.

Режиссерские работы Инны Соколовой очаровывают своей необычной атмосферой, рождая в зрителе массу всевозможных ассоциаций и, тем самым, вовлекая его в творческий процесс. Помимо сцены, я смотрела по сторонам и улавливала во взглядах сидящих в зале людей неподдельный интерес к происходящему. Необычная среда, создаваемая режиссером в каждом спектакле, основана на четком пластическом рисунке, отсутствии даже намека на бытовое существование актеров и использовании различных постановочных приемов и предметов, которые в своем взаимодействии превращаются в сценические метафоры. Это придает атмосфере спектакля ощущение поэтической приподнятости.

Инна любит легкие светлые ткани, взлетающие от действия «ветродува», эстетское сочетание черного с белым, различные сферы-шары, точный локальный и

«О, мой безумный господин!»

рассеянный свет. Будучи человеком умным и талантливым, Инна понимает, что в своих спектаклях она может использовать только те реальные условия, которые есть. Поэтому сегодня именно камерная сцена диктует свои «предлагаемые обстоятельства».

Мне удалось побывать на репетиции еще одного спектакля под названием «О, мой безумный господин!». Это одна из версий шекспировского «Короля Лира», разыгранная двумя актерами. Шут и Король. И все остальные. Мне показалось невероятно интересным такое решение знаменитой трагедии — два «странствующих актера», лацци, скоморохи, шуты рассказали нам известную историю о короле, который не был столь наивным, что не ведал, что творит. Напротив, он сам себя перехитрил, поскольку, изначально не веря в льстиволживые речи своих дочерей, сознательно шел на раздел королевства, рассчитывая, что Корделия — любимица и «свет очей», лишённая наследства, навсегда останется с ним. Что ж, так, собственно, и случилось. Злой Рок! И здесь в полной мере проявилась способность режиссера выстроить атмосферу странной игры — существования для актеров, катающих шары-головы, шары — сфероглобусы, переходящих из «остранения» в прямое общение друг с другом, из действенных монологов от лица персонажа к зонгам.

Дом, в котором снимают квартиру Инна и Илья, расположен в нескольких метрах от театра. Конечно, можно без преувеличения сказать, что они фактически «живут в театре». Думаю, это мечта многих, кто с утра до ночи занимается любимым делом. Есть театр Инны Соколовой, придуманный ею и созданный ею.

Я не знаю, как закончить статью о людях, к которым я испытываю глубочайшее уважение и симпатию. Наверное, так — это великое счастье создавать свой театр!

И еще — из всех видов человеческой деятельности самой привлекательной для меня является занятие театром. Люди, сознательно посвятившие себя служению этому искусству, могут быть по-настоящему счастливы. **ИБ**